

В диссертационный совет 99.2.030.02 на базе ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва» по адресу: г. Самара, ул. Академика Павлова, 1, Самарский университет

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора исторических наук, профессора **Нatalьи Львовны Пушкаревой** на диссертацию Губановой Татьяны Сергеевны на тему ««Женский вопрос» и стереотипы феминности в общественно-политическом дискурсе СССР конца 1960-х – начала 1980-х гг.», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история

Изучение социальной истории советского общества долгие десятилетия велось без разделения общественной массы, именуемой «советский народ», на женщин и мужчин. Ценности и устремления советских людей, их чаяния и заблуждения рассматривались обобщенно, исследователи не ставили целью выявить различия в жизненных мирах женщин и мужчин, фиксировали (чаще) сходства.

Но на рубеже XX-XXI в. в связи с рождением нового направления – социальной истории женщин, гендерной истории, исторической антропологии женской повседневности (а вместе с ними ныне кристаллизуется и историческая антропология повседневности мужской, равно как и мужская история) – без специального изучения категорий женственности и мужественности, их трансформаций в прошлом и настоящем помыслить современное историописание стало невозможно.

Представленная для рассмотрения диссертация Татьяны Сергеевны Губановой является очевидным вкладом как раз в указанное направление - в изучение истории «женского вопроса» в России прошлого, причем посвящена она периоду, куда менее освещенному, чем, скажем, рубеж XIX-XX вв. или постсоветский... Внимание диссертантки отдано так называемой эпохе застоя, брежневскому периоду отечественной истории – времени, когда «женский вопрос» считался давно и навсегда решенным и не требующим дополнительного вложения исследовательских сил.

Актуальность темы, избранной Т.С.Губановой для изучения, связана с необходимостью оценить, как в один из самых спокойных периодов российской истории определялись успехи в области решения «женского вопроса», как понимался женский воспитательный идеал и искали пути движения к его достижению, как этот идеал соотносился с реальностью и чем, следовательно, может быть объяснена политика смены идейных

ориентиров в следующий исторический период, период горбачевской Перестройки.

Во введении к своей работе диссертантка верно отмечает, что изучение истории понимания женственности, фемининности (правильнее употреблять этот термин с дополнительным суффиксом, хотя в российской историографии встречается и написание, которым пользуется Т.С.Губанова) «дает исследователю набор преимуществ, связанных с возможностью» сравнивать идеал и реальность, общественные статусы женщин «до» и «после» изученных событий, оценивая, к чему хотели прийти и чего достичь не удалось. И если к периоду 1950-1960-х гг. в последнее время неоднократно привлекалось внимание научными проектами, кино- и художественными произведениями (достаточно вспомнить фильм «Оттепель»), то отношению к женщинам и женскому в годы экономической стагнации уделялось куда меньше внимания.

Так что представленная к оценке квалификационная работа обладает, помимо актуальности, еще и бесспорной научной новизной.

Сформулированная Т.С. Губановой тема потребовала строго сформулировать объект и предмет исследования. Объектом исследования она назвала «*место и роль женщины в социальной, политической, экономической и прочих сферах жизни советского общества в общественно-политическом дискурсе*», что не совсем удачно с точки зрения русского языка (объект исследования – место...), но вполне ясно по сути. Правильнее было бы обозначить объект исследования как женскую часть населения СССР, ведь объект всегда много шире, объемнее предмета, включает предмет в себя. Предмет изучения – ментальные процессы, «стереотипы фемининности», бытовавшие в общественно-политическом дискурсе СССР изучаемого периода.

Изучать эти процессы и стереотипы диссертантка взялась во имя проведения «*комплексного анализа реального и декларируемого положения женщин в советском обществе*», дабы описать связанные с этими ментальными процессами бытующие стереотипы женственности, ожидаемые характеристики женского поведения, представления о желаемом и его соотношении с действительным (когда речь шла о типике, наиболее распространенных образцах) в советском общественно-политическом дискурсе времен стагнации. Не замахиваясь на реконструкцию всей многоаспектной и разноплановой истории советских женщин в то известное двадцатилетие, автор диссертации поставила своей целью вести исследование не столько положения женщины в советском обществе, сколько размышлять о его отражениях, репрезентациях в дискурсивных практиках. Это потребовало тщательности в работе с терминологическим аппаратом, в подборе методологического инструментария и продуманности в составлении источниковой базы исследования: с одной стороны, ей было необходимо собрать материал, характеризующий *дискурс власти* (к нему она

отнесла «речевые и текстовые практики, относящиеся к публичной нормативно-правовой и политической сферам») и *дискурс общества* (паттерны, конструируемые и распространяемые в неофициальной публичной и частной сферах).

Часто использовалось в работе и понятие «гендерного стереотипа». Сама диссертантка дает ему такое определение: «прочно закрепленное в общественном сознании *представление* о свойствах, ролях, занятиях, характерных для женщин или мужчин». Действительно, в традиционном обществе поло-ролевые стереотипы формировались по принципу контраста и взаимодополняемости. Чтобы оторваться от полоролевой модели семьи и общества и говорить именно о гендерном стереотипе, нужно добавить слово *предубеждение*. И тогда определение гендерного стереотипа будет таким: прочно закрепленное в общественном сознании *представление или предубеждение* о свойствах, ролях, занятиях, приписанных женщинам или мужчинам. Термин *предубеждение* будет в этом случае играть роль триггера, побудителя = побуждать к выяснению, почему возникло такое предубеждение и как вновь к нему не скатиться.

Очень осторожно и с научной точки зрения аккуратно определен познесоветский период, который изучает диссертантка. Она не связала его конкретно с фигурой Л.И. Брежнева (1964-1982), но представила расширенно - со второй половины 1960-х – до начала 1980-х гг. Так что *хронологические рамки* работы определены вполне корректно.

Предположив, что ментальные процессы в позднесоветском обществе могли иметь этнокультурную специфику, Т.С.Губанова сразу оговорила, что при определении *географических рамок* она умышленно вывела специфические национальные особенности репрезентаций женского и мужского за рамки своего рассмотрения, сосредоточив внимание на основных тенденциях, типичных для РСФСР и «крупных городов советских национальных республик».

Что касается *истории изучения* своей темы, то диссертантка ставит себе в заслугу отказ от систематизации изученных в процессе работы трудов по хронологическому принципу и предпочитает ему проблемный. Это допустимо, но потери – как мне кажется – в этом случае больше приобретений.

Понятно, что в огромном море работ социологов и политологов, экономистов, социальных историков, антропологов повседневности и, главное, гендерных историков легче всего было разобраться, сложив выписки по тематическому (проблемному) принципу. Но... из такого обзора ныне не понять, кто же тот предшественник, кто первым решился сказать свое слово о социальном статусе женщин в годы застоя (наверное, это даже не одно имя! так назовите их...), чем отличались публикации по этой теме у современников (первых социологов, писавших о женской «второй рабочей смене» дома), как оценивался период в историографии перестроечного

времени и что поменялось, когда в российскую историографию ворвалась с Запада гендерная концепция.

Проблемный принцип построения историографии, избранный Т.С.Губановой, как раз не убедил в том, что идеал женственности тех лет никем не формулировался и не описывался. Многие понемногу задевали эту тему и раньше. Да, о гендерных стереотипах как об устойчивых паттернах, о *предубеждениях* раньше никто не задумывался, эти подходы рождены в «гендерные 1990-е» (так назвала свою книгу украинский культуролог И.А.Жеребкина), развиты в 2000-е (и не очень приветствуются, как мы уже поняли, в 2020-е). Но об идеалах, о мечтах, связанных с темой женского, писалось и современниками и впоследствии теми, кто трудился в Перестройку и после нее, кто начал критиковать те, прежние мечты и идеалы. И как раз динамику отношения к теме в историографии хотелось бы узнать.

Сделав после историографического обзора (включившего, кстати, отличный экскурс в зарубежную историю изучения вопроса), диссертантка сделала вывод, о том, что *«в современной науке все еще уделяется недостаточное внимание анализу стереотипов мужественности и женственности в дискурсивных практиках позднесоветского общества»* и тем самым обозначила **цель работы**, но не дописала формулировку. Для чего нужен такой анализ стереотипов? Как он способен подтвердить или изменить наши представления о том времени, в какую область знания данная диссертация вносит научный вклад?

Серьезный научный труд Т.С.Губановой построен на огромной источниковой базе.

Я не считаю нужным здесь повторять, как именно тип и вид источников как «работает» на общую тему, диссертантка использовала и нормативно-правовые акты, и директивные партийные документы, и тексты публичных выступлений официальных лиц, и статистику, а главное - бесценные эго-документы - личные дневники советских граждан (с сайта «Прожито»), литературу различного характера: школьные учебники, методички, в том числе по половому воспитанию подростков, материалы СМИ, фотодокументы и художественные фильмы.

Интересно и эвристически полезно выделение в качестве отдельной группы историографических источников - трудов классиков марксизма, раннесоветских идеологов (типа А.М.Коллонтай), советских социологов. Не могу лишь согласиться с наименованием французской писательницы, представительницы экзистенциальной философии, жены Жана Поля Сартра - Симоны де Бовуар - *«прародительницей социалистического феминизма»*. Во-первых, она сама себя феминисткой не считала, но во-вторых и в главных -- к социализму не имела никакого отношения. Действительно роман этой сочинительницы и философа «Второй пол» был написан как трактат о предрассудках, связанных с восприятием Женщины в истории, она первой

заговорила о гендерной свободе – и Ватикан тут же внес книгу в список запрещенных произведений. Но к социализму и марксистскому феминизму С. де Бовуар отношения никак не имела, а книга ее так прямо противоречила построениям коммунистических идеологов. Книга Симоны де Бовуар была абсолютно неизвестна в СССР, прорвалась к нам очень поздно, в 1990-е годы.

Тем не менее, повторим: использование историографии как идейного наследия, которое может быть тоже рассмотрено как источник для понимания ушедших десятилетий, – это новация Т.С. Губановой, и новация удачная, ее трудно не приветствовать, поскольку соискательница умышленно акцентирует внимание на особенностях репрезентаций гендерных стереотипов в трудах ученых рассматриваемого ею (а отчасти – и более раннего) времени.

Обширная источниковая база дала возможность Т.С. Губановой сосредоточить внимание на трех основных каналах трансляции гендерных стереотипов в тогдашнем советском обществе – системе довузовского образования, периодической печати и художественных кинофильмах.

Основным исследовательским методом автор диссертации назвала «гендерный анализ», правильнее говорить: контент-анализ дискурса с учетом гендерной составляющей. Последовательное применение этого метода позволило автору условно наметить некий «вопросник», применимый к разным группам источников. Логично применение в тексте и других, вполне классических методов исторической науки – историко-логического, сравнительно-исторического, ретроспективного.

Структура работы проста и логична. Диссертация состоит из Введения, двух глав, Заключения и Приложений со списком источников, литературы и иллюстративным материалом.

Первая глава работы названа «**Гендерная структура советского общества конца 1960-х – начала 1980-х гг.**». В ней проанализирован широкий спектр вопросов: трудовые права женщин, их социально-экономические статусы и роли, правовые рамки развития советских гендерных отношений, повседневность и быт советских женщин. В этой главе диссертантка обратила особое внимание на противоречия, которые были связаны с идеей создания в строящем коммунизме обществе идеальной женщины – яркой общественницы, полной сил труженицы, выполняющей дома все обязанности супруги и матери-воспитательницы, пользуясь при этом удобным термином западной социологии, термином *гендерного контракта* и размышляя таким образом о господствовавшем в тогдашнем СССР условном договоре государства с женщинами – контракте «работающей матери» (термин сформулирован не Т.С. Губановой, а Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной, но правильно использован).

Совершенно верно диссертанткой доказано, что официально провозглашенный постулат о «решенности женского вопроса» в СССР ограничивал тогда поле общественной дискуссии по этой проблеме. Но Т.С.Губанова проанализировала для доказательства огромной востребованности подобного обсуждения немалый корпус дневников, размещенных цифровым архивным центром «Прожито». Важным для понимания человека тех лет оказалось и стремление Т.С.Губановой воспроизвести социально-исторический контекст, в котором циркулировали свойственные позднесоветскому обществу стереотипы женственности. Благодаря этому оказалась не стерта, не забыта та масса положительного, кажущегося само собой разумеющимся, что было типично для «общества развитого социализма»: это и увеличение численности женщин в различных сферах производства и управления, и рост показателей не просто грамотности, но именно образованности женщин, и принятие законодательных мер, направленных на защиту женщин, их здоровья. Это положительное было столь заметно и столь артикулировано тогда, что затушевывало проблемы, желания и даже чаяния женщин (которыми, к сожалению, тогда редко, кто интересовался).

Вторая глава диссертации - *«Репрезентация моделей феминности и маскулинности в советской культуре»* - посвящена уже не столько контексту, сколько самим репрезентациям стереотипных моделей женственности и по ряду аспектов тесно связанных с ними таких же моделей мужественности в годы «развитого социализма».

И тут новаторство Т.С.Губановой видится в предпринятый автором развернутом анализе советской учебной и учебно-методической литературы; периодических изданий, даже не предназначенных для женщин, а рассчитанных на разнообразные аудитории – детскую, педагогическую (журналы по проблемам воспитания и здорового образа жизни), а также рекламных изданий того времени (что более, чем правомерно, ведь анализу женских журналов «Работница» и «Крестьянка» уже посвящено не одно исследование!). В этой главе диссертантка составила оригинальную типологию женских образов в позднесоветском кинематографе и пришла к выводу о том, что система просвещения, СМИ и, шире, медиакultura в целом были в то двадцатилетие основными каналами трансляции полоролевых стереотипов, именно они закрепляли в сознании общества восприятие модели «работающей матери» (добавим: матери-общественницы, активистки) как модели естественно выработанной самим временем, требованиями общества. Они воспроизводили и закрепляли эту модель как нормативную и имеющую ключевое значение для построения женской идентичности.

Несомненной научной удачей можно назвать авторскую концепцию и представленные в работе выводы о влиянии стереотипов феминности и

маскулинности на положение, занимаемое людьми разного пола в советской социальной системе, в том числе (как доказательство) – воспроизводство стереотипа работающей матери-общественницы во множестве художественных фильмов, в художественной культуре в целом (произведения художников), распространенность образа работающей женщины как женщины-профессионала, женщины-руководителя, зачастую справляющейся и с обязанностями матери.

Правилен и эвристически ценен вывод автора текста и о том, что в брежневское время (как и в более ранние советские десятилетия) принято было изображать домашнюю сферу как женскую и подвижки тут были минимальны. Зато «мужскими» темами были геройство, армейская служба, а также (как осторожно выразилась Т.С.Губанова) «некоторые формы досуга».

Впервые после исследований и публикаций академика И.С.Кона в исследовании, посвященном изучению проблем позднесоветской ментальности затронута (и очень ответственно и доказательно) тема сексуального воспитания. Диссертантка пришла к однозначному выводу о том, что «сексуальное образование подростков позднесоветского периода сводилось к обучению воздержанию», причем апелляции к целомудренности были в большей степени направлены к девочкам, девушкам, нежели к «сильному полу».

Так или иначе, перед нами – действительный личный вклад автора в науку! И все же, оценив как большое достижение текст диссертации в целом, хотелось бы задать несколько вопросов (помимо тех кратких замечаний, которые уже прозвучали выше).

Сомневаюсь, что в небольшом по объему квалификационном тексте, охватывающем два десятилетия, нужно было уделять столь пристальное внимание истокам – марксистскому и социалистическому пониманию путей решения «женского вопроса». Именно такой термин лучше употреблять. Феминизма ни К.Маркс, ни уж тем более В.И.Ленин не жаловали, вспомним ленинский эпитет «буржуазный», приклеенный к феминизму. С этими истоками и «несчастливым браком» марксизма с феминизмом все не так просто и это все можно было легко опустить.

А вот, что упущено – так это вопрос о динамике перемен за эти два изученных десятилетия? Можно ли хотя бы устно сообщить, каким был вектор, к чему всё шло к началу Перестройки, к сближению ли гендерных ролей? К их контаминации? Каким было направление перестройки общественного сознания?

Нужно ли было в этом контексте вообще касаться сложной темы понимания решения женского вопроса в духе западного либерального феминизма, хотя Т.С.Губанова честно пыталась разобраться и включила историю о том, как стремилась к этому либеральному течению (безуспешно) приобщиться группа ленинградских диссидентов. Насколько те четверо (+

несколько еще авторов альманаха «Мария») были влиятельны для общественного сознания страны в целом? Кто вообще знал о них даже в обеих столицах?

Но не могу не согласиться с Т.С.Губановой в том, что диссидентский (в терминологии диссертантки – феминистский) самиздат может выступить богатым историческим материалом для исследования личностных позиций и жизненных стратегий «инакомыслящих» советских женщин, которых, повторю, было очень, очень мало.

Нужно ли было обращаться на паре страниц и к теме (терминология автора диссертации) «нелигитимного/маргинального гендерного контракта» (с. 85-86). Речь о проститутках (их было тоже – в сравнении с перестроечным периодом – немного в брежневское время). Если нужно – зачем? Не они формировали взгляды большинства, взгляды (наверное) последнего советского поколения, того, что сейчас пытается передать свои ценности внукам – а из этого мало, что выходит. И тем ценнее сделанное Татьяной Сергеевной – глубинные биографические интервью являют богатую почву для исследования повседневной жизни и аксиосферы советских людей. Тех, для кого «всё это было навсегда, пока не кончилось».

Еще одно замечание-размышление касается проблемы советской телесности. Говоря о женском и фемининном, можно было куда больше внимания уделить вопросу родовспоможения в СССР. Возможно, диссертантку остановило уже немалое количество написанного по этому вопросу, не случайно, в диссертации есть ссылки на работы А.А. Темкиной, З.М. Кобозевой, Н.А. Мицюк, а есть еще и публикации Т.Б.Щепанской, А.А.Ожигановой. Написано много – и, главное, отношение к советским матерям на протяжении этого двадцатилетия менялось, и менялось в сторону гуманизации, понимания женских запросов. Жаль, что эта тема раскрыта не до конца.

И еще одно маленькое замечание. Анализируя советские рекламные издания, Т.С. Губанова говорит о несоответствии представленных на их страницах образов «коммунистической аксиологии и эстетике» (с. 154). Можно ли пояснить, что автор имеет в виду под «коммунистической эстетикой» женственности, откуда вообще взято это словосочетание, что в него вкладывается применительно к теме фемининного?

Как легко понять, мои вопросы и размышления на полях работы – не более, чем желание глубже вникнуть в проделанный труд. Никаких оценок они не снижают. Напротив, хочется еще раз отметить, что диссертанткой предложен оригинальный подход к изучению стереотипов в общественно-политическом дискурсе советского общества, позволивший доказательно подтвердить все положения, вынесенные на защиту.

Достоверность их определена репрезентативностью источниковой базы, тщательностью анализа и широким научным кругозором. Выводы,

полученные Т.С.Губановой и сформулированные в диссертации, сложились в целостную авторскую концепцию, в особое видение истории тех лет – истории сложной, полной противоречий. Это дает основание утверждать, что по характеру круга источников, решенных научных задач и примененных методов исследования работа Т.С. Губановой соответствует паспорту специальности 5.6.1. «Отечественная история» (исторические науки), а именно пунктам:

п. 6 «История повседневной жизни различных слоев населения страны на соответствующем этапе ее развития»;

п. 7 «История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности»;

п. 9 «История общественной мысли. Интеллектуальная история. Историческая имагология. История образования и образовательных институтов»;

п. 11 «Социальная политика государства и ее реализация в соответствующий период развития страны»;

п. 20 «История семьи»;

п. 24 «История государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения».

Значимость проведенного соискателем исследования для науки и практики состоит в том, что оно может стать отправным пунктом для дальнейшего изучения гендерной структуры советского общества, репрезентаций феминности и маскулинности в его дискурсивных практиках, для более глубокого понимания эволюции представлений о женственности и мужественности в советской культуре. Рассмотрение гендерных стереотипов позднесоветского общества особенно значимо для социальных психологов, администраторов, юристов, но прежде всего – для историков и социальных антропологов для понимания масштаба перемен, происходящих на протяжении последнего полувека на наших глазах.

Работа Т.С.Губановой отличается «лицом необщим выраженьем» - и по подходам, и по структуре, и по глубокой увлеченности автора предметом своего исследования, она абсолютно самостоятельна как научный труд, обладает внутренним единством и содержит новые научные положения, выдвинутые для публичной защиты. Автореферат соответствует основному содержанию диссертации, которая прекрасно апробирована: результаты исследования были изложены соискателем в 14 работах (3 из которых – в журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий), что соответствует требованиям п. 11 и 13 Положения о присуждении учёных степеней.

Диссертация Губановой Татьяны Сергеевны на тему ««Женский вопрос» и стереотипы феминности в общественно-политическом дискурсе СССР конца 1960-х – начала 1980-х гг.» полностью соответствует требованиям пп.

9-11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 № 842 (в редакции Постановления Правительства Российской Федерации от 25 января 2024 г. №62), а её автор, Губанова Татьяна Сергеевна, заслуживает присуждения учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история (исторические науки).

Даю согласие на обработку персональных данных и размещение в информационно-коммуникативной сети Интернет.

Официальный оппонент
доктор исторических наук, профессор **Пушкарёва Наталья Львовна**

15.11.2024

Пушкарёва Наталья Львовна,
доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра гендерных исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

Адрес: 119334 Москва, Ленинский проспект, 32а

Тел.: +74959548078

Эл. почта: pushkarev@mail.ru

Входящий № 206-8849
Дата 25 НОЯ 2024
Самарский университет